

М.Н.Усачёва

МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва

Н.В.Сердобольская

Российский государственный гуманитарный университет и Московский педагогический
государственный университет, г. Москва

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ НА -ОННИГА- В
БЕСЕРМЯНСКОМ УДМУРТСКОМ¹

(название для раздела в сборнике – ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА -ОННИГА- В БЕСЕРМЯНСКОМ
УДМУРТСКОМ)

**1. Оформление обстоятельственного предложения в бесермянском диалекте
удмуртского языка**

Бесермянский диалект удмуртского языка входит в финно-угорскую группу уральской семьи языков. Совмещая черты разных групп удмуртских диалектов [3], он занимает особое положение среди них, в результате чего специалистами трактуется как наречие удмуртского языка, см. [6]. Удмуртский язык агглютинативный; бесермянский диалект характеризуется богатым (самым распространенным среди всех удмуртских диалектов и большим, чем в литературном удмуртском языке) арсеналом локативных падежей и послелогов. В области порядка слов выделяются следующие черты. Зависимое стоит в препозиции к вершине; в клаузе нейтральный порядок слов SOV, который может меняться на OSV или SVO в случае, если субъект дискурсивно выделен (в случае дискурсивного выделения объекта сохраняется нейтральный порядок) [22]; нефинитные зависимые клаузы (в примерах отмечены квадратными скобками []) чаще располагаются в препозиции к главной.

В бесермянском функционируют следующие типы временных обстоятельственных предложений: с союзами, с деепричастиями и с номинализациями. Пример союзного предложения содержится в высказывании (1), которое включает две финитные клаузы, связанные отношением одновременности; зависимая клауза оформляется союзом *ke* ‘если, когда’:

- (1) *Kartoška-m-â ič'i val – [parš'-m-â piĵa-mân ke val],*
картошка-Р.1-PL мало быть.PRT свинья-Р.1-PL родить-RES если быть.PRT
marâm kar-i-m parš'-lâ tros š'ud-i-m.
НЕЗ делать-РРТ-1PL свинья-DAT много кормить-РРТ-1PL

У нас картошки мало – когда свинья опоросилась, ей это, много скормили. [Т]²

Временные обстоятельственные предложения могут включать также нефинитные формы – причастия и номинализации. Система деепричастий в бесермянском диалекте существенно беднее литературной удмуртской (подробнее см. раздел 4). Она включает простой (или контекстный) конверб на *-sa*, отрицательный конверб на *-tek* (пример (2)) и лимитативный конверб на *-(i)dč'ož'* (пример (3)):

- (2) *Ač'-id tod-isa=a tod-âtek =a mân-iš'ko-d n'i rodn'a=a evâl=a.*
REFL-P.2SG знать-CNV=Q знать-CAR=Q идти-PRS-2SG уже родня=Q NEG.COP=Q
Идешь, а сама то ли знаешь, то ли нет: родня это или нет. [Т]

- (3) *[Kwaž' l'ugd-idč'ož'] [kwaž' l'ugât lu-idč'ož']*
погода рассветать-CNV.LIM погода светлый стать-CNV.LIM
šâd-âl-i-z-â ož' wal'l'an l'egit' kalâk.
гулять-ITER-РРТ-3-PL так раньше молодой народ
До рассвета раньше гуляла молодёжь. [Т]

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 14-18-03270.

² Пометой [Т] обозначены примеры, взятые из корпуса устных бесермянских текстов http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru. Примеры без помет получены в ходе опроса носителей бесермянского диалекта в д. Шамардан (Юкаменский район, респ. Удмуртия) в ходе лингвистических экспедиций в июле-августе 2014 г. и в августе 2015 г.

Также в бесермянском диалекте есть регулярные номинализации на *-em* и на *-on*. Группы с реляционными именами³ и послелогоми, включающие эти номинализации в качестве зависимых, функционируют как обстоятельственные предложения. Так, в примере (4) группа, образованная послелогом *dâr-ja*⁴ ‘пока, во время, в течение’ и номинализацией на *-on* от глагола *dâšeč’kânâ* ‘учиться’, обозначает ситуацию, имеющую ту же временную референцию, что и ситуация в главной клаузе:

- (4) [*Škola-jân dâš-eč’k-on dâr-ja*] *mi so-in družit’ e-m*
 школа-LOC учиться-DETR-VN время-ADV мы тот-INS дружить NEG-1PL
kar-e.
 делать-PRS.3SG

Когда мы в школе учились, мы не дружили. [Т]

В примерах (5) и (6) представлены номинализации на *-on* и на *-em*, являющиеся зависимыми в группах, образованных реляционными именами *pal* ‘сторона’ и *ber* ‘зад, задняя часть’.

Данные группы обозначают ситуацию, имеющую место после (5) и до (6) ситуации в главной клаузе:

- (5) *Sre brat-e mân-i-z n’i Vorč’ala... gurta-nâ [armij-e*
 потом брат-Р.1SG идти-РРТ-3SG уже Ворца.ILL гостить-INF армия-ILL
mân-on až’ pal-a-z].
 идти-VN перед сторона-Р.LOC/ILL-Р.3

Потом брат на этой лошади поехал в Ворцу гостить перед уходом в армию. [Т]

- (6) [*Gubeč’-ân vož’-em ber-e*] *tupa-č’k-i-z so.*
 подполье-LOC держать-NMZ зад-ILL годиться-DETR-РРТ-3(SG) тот

А потом вот... после того, как его [петуха] подержали в подполье, он поправился. [Т]

Во многих контекстах номинализации на *-em* и на *-on* противопоставлены по временной референции зависимой ситуации. Если ситуация в зависимой клаузе предшествует ситуации в главной, как правило, используется номинализация на *-em* (7). Если ситуация в зависимой клаузе следует за ситуацией в главной (6) или происходит одновременно с ней (4), вероятнее всего, будет употреблена номинализация на *-on*. Однако это лишь тенденция, которая нарушается в некоторых типах контекстов.

Конструкции с деепричастиями на *-ca*, *-тэк*, *-тозь* (литературный вариант бесермянского деепричастия на *-(i)dč’ož’*), а также номинализации на *-эм* и *-он* широко используются в литературном удмуртском языке [8], [2], [1], [14].

Помимо конструкций, о которых шла речь выше, в бесермянском диалекте функционируют деепричастия, образованные от имени ситуации с показателем *-(o)n* и с посессивными суффиксами. Существует два типа таких деепричастий – на *-(o)n-n’iga-* (7) и на *-(o)n-n’a-* (8). Они оба обозначают ситуацию, имеющую место одновременно с ситуацией в главной клаузе:

³ Реляционные имена – единицы, «обозначающие первый член некоторого отношения и имеющие облигаторную валентность, соответствующую второму члену отношения: *муж, друг, брат, сосед, начальник* и т.д.» [12: 170-171], а также обозначающие части предметов (*сторона, бок* и др.) либо область пространства, ассоциированную с предметом (*окрестность*).

С синтаксической точки зрения реляционные имена представляют собой часть группы с пространственным значением, обладающую значительной частью именных характеристик и в то же время способные выполнять ряд служебных функций. В бесермянском диалекте (а также в литературном удмуртском языке) многие единицы, традиционно именуемые послелогоми, в морфологическом, синтаксическом и морфосинтаксическом отношении являются именами, а следовательно, должны трактоваться как реляционные имена. Подробная аргументация этой точки зрения содержится в [15].

⁴ По происхождению единица *dâr-ja* ‘во время’ является формой адвербиалиса от имени *dâr* ‘время’. Однако она начала грамматикализироваться и проявляет ряд свойств, характерных для бесермянских послелогов, а не для реляционных имен – например, не присоединяет падежных показателей и суффикса именного множественного числа.

- (7) [*Kart-e ĉ'ašja kora-n'-n'iga-z]* *jalan mad'-e.*
 муж-Р.1SG лес рубить-VN-CNV.SIMULT-Р.3 всегда петь-PRS.3SG
 Когда мой муж валит деревья, он всегда поёт.
- (8) [*So š'âres vâl-t'i mân-on'-n'a-z]* *gor-e uš'-i-z.*
 тот дорога поверхность-PROL идти-VN-ADV-Р.3 яма-ILL падать-PRT-3(SG)
 Он шел по дороге и упал в яму.

Форма на *-(o)n-n'a-* имеет соответствие в удмуртском литературном языке – обстоятельственный падеж номинализации на *-(o)n* (с показателем *-(o)nъя*):

- (9) *Мунчо азь-ын син-ъёс-с-э ĉушы-лы-са сьл-он-ья-з,*
 баня перед-LOC глаз-PL-Р.3-ACC вытирать-ITER-CNV стоять-VN-ADV-Р.3
ошмес азьпала-сь кырза-м куара кыл-й-з.
 родник передняя.сторона-EL петь-NMZ звук слышать-PRT-3(SG)
 Когда стоял перед баней, вытирая глаза, он (Герей) услышал со стороны родника пение.
 [13: 9]

Форма на *-(o)n-n'iga-* с посессивным показателем, по-видимому, не имеет аналогов ни в литературном удмуртском языке, ни в других удмуртских диалектах. В настоящей статье мы рассмотрим синтаксические свойства данной формы, а также выскажем некоторые предположения о ее происхождении.

Цель настоящей работы – описание морфосинтаксических и семантических свойств форм на *-(o)n-n'iga-* и *-(o)n-n'iga-*. Мы попытаемся определить, насколько далеко зашел процесс грамматикализации данных форм в обстоятельственных предложениях, а также выявить, как рассматриваемые формы встраиваются в бесермянскую систему конвербов.

2. Происхождение формы на *-(o)n-n'iga-*

Поскольку деепричастия на *-(o)n-n'iga-* не отмечены в описаниях пермских языков и диалектов, общепринятой точки зрения относительно их происхождения не существует. Здесь мы обсудим несколько возможных гипотез о происхождении данных форм, для подтверждения или опровержения которых, однако, необходимы дальнейшие исследования.

Форма на *-(o)n-n'iga-* включает суффикс глагольного имени *-(o)n*, суффикс *-n'ig-*, элемент *-a-* и посессивные показатели. Суффикс *-n'ig-* (в ряде других диалектов он имеет вид *-n'i-*) является относительно распространенным в удмуртском языке (как в его литературном варианте, так и в диалектах) деривационным элементом, обозначающим место действия. См. пример употребления формы с данным суффиксом:

- (10) *Skal vož'ma-n'-n'ig-a-m lâkt-em kijon.*
 корова пасти-VN-NLOC-Р.LOC/ILL-Р.1 прийти-PST.EVID волк

На место, где я пасу коров (на коровье пастбище), пришел волк.

В функции деепричастия форма на *-(o)n-n'iga-* употребляется исключительно с посессивными показателями, обозначая ситуацию, совпадающую по времени с ситуацией в главной клаузе. Ср. (7) выше, а также (11):

- (11) *Mân-on'-n'iga-m mon gor-e uš'-i.*
 идти-VN-CNV.SIMULT-Р.1 я яма-ILL падать-PRT(SG)

Когда я шел, я упал в яму. / Там, где я (обычно) хожу, я упал в яму.

Насколько нам известно, никаких гипотез относительно возможного происхождения суффикса *-n'ig-* до сих пор не высказывалось. С нашей точки зрения, напрашивается сопоставление суффикса *-n'ig-* с коми-зырянским конвербом *-ig(en)*, имеющим то же значение, что и *-n'ig-* в деепричастной функции. Реконструируемая прапермская форма для коми-зырянского *-ig(en)* имеет вид **-jki-*, где *-j-* гласный основы, *-k* – суффикс отглагольного имени [17: 284]. Важно, что из того же источника происходит удмуртское деепричастие длительности на *-ku*, отсутствующее в бесермянском и также аналогичное *-n'ig-* по функции. Если предположить общность происхождения бесермянского *-n'ig-* с коми-

зырянским *-ig-* и удмуртским *-ku*⁵, получается, что *-n'ig-* исторически членится на элементы *n'* и *ig*. Соответственно, возникает вопрос о происхождении элемента *n'*. В бесермянском диалекте функционирует суффикс *-n'*, имеющий значение нахождения в чьем-либо жилище⁶ (являющийся средством выражения локализации DOMUS). Приведем пример употребления этого суффикса:

- (12) *Pâr-i-z eš-ez-n'-e.*
 заходить-PRT-3(SG) подруга-3-DMS-ILL
 (Она) зашла в дом к подруге. [T]

Суффикс локализации DOMUS присоединяется к личным именам, терминам родства и личным местоимениям и сочетается с показателями шести локативных падежей. Соответствующие формы лексемы *abi* 'бабушка' представлены в таблице 1.

локатив	<i>abi-n'-ân</i>
иллатив	<i>abi-n'-e</i>
элатив	<i>abi-n'-âš'</i>
пролатив	<i>abi-n'-ât'i</i>
эгрессив	<i>abi-n'-iš'en</i>
терминатив	<i>abi-n'-ož'</i>

Табл. 1. Сочетаемость суффикса *-n'* 'DOMUS' с показателями локативных падежей

Принято считать, что формы с суффиксом *-n'* 'DOMUS' произошли от послеложных групп с вершиной *дин'* 'около' [3: 118]. Учитывая, что формы на *-n'ig-* образованы от отглагольных имен на *-on-*, которые нередко функционируют как зависимые в послеложных группах (см. примеры (4) – (5) выше), происхождение форм на *-(o)n-n'iga-* из групп, образуемых склоняемым послелогом *дин'* (в бесермянском утраченном) и зависимым от него отглагольным именем на *-on-* представляется возможным. Послеложное происхождение предполагается также для конверба на *-idč'ož'*, который, с точки зрения Б. А. Серебренникова, образовался из групп вида «отглагольное существительное на *-t-* + послелог *č'ož'* 'в течение'» [9: 306]. Остается, однако, неясным, почему к послелогу присоединился суффикс *-ig-*, аналоги которого в литературном удмуртском и в коми-зырянском сочетаются только с глагольной основой. Впрочем, этот вопрос возникает независимо от того, какой источник предполагается для *-n'*, поскольку *-n'ig-* формы в любом случае образуются не от чистой основы, а от формы отглагольного имени. Можно было бы предположить, что форма на *-(o)n-n'iga-* возникла из сочетания отглагольного имени на *-on* и утраченного к настоящему моменту деепричастия на *-ig-* от глагола с локативной семантикой, основа которого оканчивалась на *-n'* или *-n-*. Предположение о локативной семантике глагола вытекает из того факта, что *-n'ig-* формы, являющиеся отправным пунктом грамматикализации формы на *-(o)n-n'iga-*, обозначают место действия (см. пример (10) выше, а также примеры в разделе 3). Однако в корпусе литературного удмуртского языка

⁵ Вопрос о том, почему в бесермянском наречии, которое является идиомом в составе удмуртского языка, деепричастный показатель имеет вид, характерный для коми, очень интересен. На вопрос, является ли элемент *ig* в составе *-n'ig-* архаичной чертой (наследием прапермского периода) или же это инновация, параллельная для бесермянского наречия и коми-зырянского языка, у нас нет ответа. Вариант с архаичным показателем представляется несколько более вероятным, поскольку другие случаи соответствия бесермянского *k* удмуртскому *g* нам неизвестны. С другой стороны, в бесермянском зафиксирована нерегулярная и до конца не объясненная вариативность глухих и звонких согласных, и в том числе *k* и *g*. Например, клитика со значением сравнения может иметь вид *ges* и *kes*. Эта вариативность характерна и для форм на *-n'ig-*: в речи некоторых носителей встречается его вариант *-n'ik-*. Таким образом, вопрос о том, насколько архаична анализируемая в данной статье форма, требует дальнейшего исследования и попутного решения целого ряда исследовательских проблем.

⁶ В традиционной пермистике данный суффикс не выделяется как отдельная морфема. Его сочетания с суффиксами локативных падежей рассматриваются как отдельная серия вновь образованных падежей [3], [5]. Аргументы в пользу выделения *-n'* как отдельного суффикса содержатся в [10].

объемом более 6,5 млн словоупотреблений (<http://web-corpora.net/UdmurtCorpus>) нет ни одного примера на сочетания вида «отглагольное имя на *-он* + конверб на *-ку*» (напомним, удмуртский конверб на *-ку* по функции аналогичен бесермянскому деепричастию на *-(o)n-n'iga-* и предположительно имеет общий с ним источник). При этом сочетания достаточно близких к отглагольному имени конвербов (например, деепричастия на *-эм*) с деепричастием на *-ку* представлены достаточно широко. Соответственно, допустимость данной конструкции в удмуртском языке под большим сомнением. Этот факт снижает вероятность происхождения формы на *-(o)n-n'iga-* из сочетания отглагольного имени и деепричастия.

Отдельного внимания заслуживает элемент *-a-* в составе формы на *-(o)n-n'iga-*. На первый взгляд, его происхождение не составляет проблемы. Поскольку формы на *-(o)n-n'iga-* явным образом соотносятся с формами на *-(o)n-n'ig* (см. соотношение примеров (10) и (11) и две возможные интерпретации примера (11)), логично предположить, что формы на *-(o)n-n'iga-* грамматикализуются из *-(o)n-n'ig-* имен в форме посессивного локатива/иллатива. Следовательно, *-a-* должен быть суффиксом посессивного локатива/иллатива. Однако, возможно, не всё так просто. Дело в том, что в бесермянском диалекте параллельно с формами на *-(o)n-n'iga-* возник конверб на *-idč'ož'-a-* с посессивными показателями, который безусловно является посессивной формой конверба на *-idč'ož'* (нам не удалось найти ни одного контекста, в которых эти формы не были бы взаимозаменяемы). В случае с конвербом на *-idč'ož'-a-* элемент *-a-* явно является частью посессивного показателя. Возможно, в случае с формой на *-(o)n-n'iga-* дело обстоит так же. Элемент *-a-* является частью посессивных алломорфов не только локатива и иллатива, но также терминатива и инструменталиса. Ср. фрагмент падежной парадигмы бесермянского диалекта (в этой части совпадающей с падежной парадигмой удмуртского литературного языка):

Падеж	Основное склонение	Алломорф перед посессивом
локатив	-êñ	-a-
иллатив	-e/-ê	
инструменталис	-en/-êñ	-na-
терминатив	-ož'	-ož'a-

Табл. 2. Фрагмент падежной парадигмы бесермянского диалекта

Согласно [17: 204], источник элемента *-a-* в алломорфах удмуртского инструменталиса и терминатива, появляющихся перед посессивными показателями, пока не определен достоверно. Данный элемент может восходить к первому гласному прапермского посессива единственного числа **-am, -ad, -az*, который, возможно, функционировал как свободный вариант посессива на **-im, -id, -iz*, реконструируемого с гораздо большей достоверностью. Либо *-a-* мог возникнуть под влиянием посессивных алломорфов локатива и иллатива⁷. В любом случае, элемент *-a-* в форме на *-(o)n-n'iga-* может быть как алломорфом локатива/иллатива, так и частью посессивного показателя.

⁷ Алломорф локатива и иллатива *-a-* в посессивном склонении имеет сложную историю. Б. А. Серебренников называет реконструкцию его происхождения «одной из труднейших проблем истории пермских языков» [9: 112]. Критикуя гипотезы, высказанные его предшественниками, он выдвигает два своих предположения – аналогическое выравнивание с генитивной формой местоимения 1 лица *мынам* ‘мой, моя, моё’ [9: 112] и реликт древнего латива на *-a* [9: 66]. Как справедливо отмечает сам ученый, обе гипотезы вызывают справедливые возражения. Ш. Чуч в более поздней работе [17] предполагает, что в притяжательном склонении иллатив, имевший в прапермском показателе **-k*, вытеснил локатив. Затем произошло падение **-k*, и его функции взял на себя гласный основы, переосмысленный как падежный показатель. В прапермском основа имен заканчивалась на один из трех гласных – **-j, -e* или *-a*. Какое-то время эти гласные функционировали как свободные алломорфы иллатива, однако к концу прапермского периода в функции иллатива закрепился *-a-* [17: 205]. Данная гипотеза также вызывает вопросы (например, почему вытеснение локатива иллативом произошло только в притяжательном склонении и никак не затронуло основное), однако предложить лучшую мы, к сожалению, не можем.

Итак, в бесермянском диалекте удмуртского языка имеет место грамматикализация конверба на *-(o)n-n'iga-*, образованного от локативного имени на *-(o)n-n'ig*, происхождение которого до конца не ясно. Возникают вопросы, насколько далеко зашел процесс грамматикализации данных форм и в каких типах обстоятельственных предложений они используются – соответственно, как встраиваются в бесермянскую систему конвербов. Ниже мы постараемся на них ответить.

3. Морфосинтаксические свойства форм на *-(o)n-n'ig* и на *-(o)n-n'iga-*

В данном разделе мы сравним морфосинтаксические свойства локативного имени на *-(o)n-n'ig* и производного от него конверба с целью проверить, насколько далеко последний продвинулся по пути грамматикализации – а именно, приобрел ли он значимые глагольные свойства или в основном сохранил именные.

3.1. Локативное имя на *-(o)n-n'ig*

Локативное имя *-(o)n-n'ig* в полной мере обладает именными свойствами. Оно способно присоединять все грамматические показатели имени – именное число (13), падежи и посессивные показатели. Данная форма присоединяет показатели всех падежей, кроме локализации DOMUS, – как ядерных (например, посессивного аккузатива (14) и генитива (15)), так и локативных (например, иллатива – соответствующая форма основного склонения представлена в (16)):

(13) *L'âpet ul-ân leš't-âmân kâk-kwin' kureg pukš'-on'-n'ig-jos.*
крыша низ-LOC делать-RES два-три курица сидеть-VN-NLOC-PL
Под крышей сделаны две-три жердочки, где сидят куры.

(14) *So-lâš' korâš'k-on'-n'ig-z-e gâr-i-z-â.*
тот-GEN2 рубить-VN-NLOC-3-ACC(SG) пахать-PRS-3-PL
Место, где он рубил дрова, вспахали.

(15) *Život l'uka-n'-n'ig-len dor-a-z ferma wan'.*
скот собирать-VN-NLOC-GEN1 около-P.LOC/ILL ферма NOM.COP
Рядом с местом, где собирают скот, есть ферма.

(16) *Korka leš't-on'-n'ig-e šifer va-i-z-â.*
дом делать-VN-NLOC-ILL шифер дать-PRT-3-PL
На место, где строят дом, привезли шифер.

Как видно из примера (15), локативное имя может быть зависимым в группе с реляционным именем (соответствующая группа в примере образована реляционным именем *dor* 'около'), что также характерно для имен, но не для глаголов.

В синтаксическом плане локативные имена на *-(o)n-n'ig* также проявляют именные свойства. А именно, они способны присоединять прилагательные, как в примере (17), где локативное имя *skal vož'man'n'ig* 'место, где пасут коров' сочетается с прилагательным *viž* 'старый':

(17) *Vuž skal vož'ma-n'-n'ig-ez gâr-il'l'a-m-z-â n'i.*
старый корова пасти-VN-NLOC-ACC пасти-ITER-PST.EVID-3-PL уже
Место, где раньше пасли коров, уже вскопали.

Далее, локативные имена характеризуются практически полным отсутствием глагольных морфологических свойств. Например, при них невозможно выразить отрицание и видо-временные противопоставления. Кроме того, локативное имя не присоединяет продуктивные глагольные словообразовательные суффиксы итератива и каузатива (которые присоединяются к большинству глаголов, в том числе производных). Так, форма с итеративным суффиксом, представленная в примере (18), носителям в принципе понятна (хотя не всем), но, по их мнению, «так никогда не скажут»:

(18) *jâ kânt-on'-n'ig – ?jâ kânt-âl-on'-n'ig*
лёд замерзнуть-VN-NLOC лёд замерзнуть-ITER-VN-NLOC
яма со льдом (букв. место, где замерзает лёд)

Кроме того, даже те информанты, которые способны проинтерпретировать данную форму, предлагают для нее разные переводы – контейнер для льда, ведро, в котором зимой постоянно замерзает вода, и т.д. Что касается суффикса детранзитива (менее распространенного, чем итератив и каузатив), он встречается в составе некоторых локативных имен, как в (19):

- (19) *Mon ta pen'-ez pen' l'uka-š'k-on'-n'ig-âš' okt-i,*
 я этот зола-Р.3 зола собирать-DETR-VN-NLOC-EL собирать-PRT(1SG)
kiš't-i pen' l'uka-n'-n'ig-e.
 сыпать-PRT(1SG) зола собирать-VN-NLOC-ILL

Я собрал эту золу из поддувальной камеры (букв. из места, где собирается зола) и высыпал в место для сбора золы.

Однако локативные имена образуются далеко не от всех детранзитивов. Так, от глагола *vož'manâ* 'пасти' локативное имя на *-n'-n'ig* образуется, а от его детранзитивной пары *vož'maš'kânâ* 'пасться' – нет:

- (20) *skal vož'ma-n'-n'ig* 'коровье пастбище' – **skal vož'ma-š'k-on-n'ig*
 корова пасти-VN-NLOC корова пасти-DETR-VN-NLOC

Ср. форму *kureg pukš'on'n'ig* 'насед (букв. место сидения кур)' в примере (13) выше, имеющую аналогичную структуру. Возможно, это связано с тем, что в бесермянском диалекте детранзитив, в отличие от итератива и каузатива, менее продуктивен и более лексикализован, в частности довольно часто имеет некомпозиционное значение.

Далее, при локативных именах недопустимы наречия образа действия:

- (21) **jun zor-on'-n'ig-ez*
 очень идти.о.дожде-VN-NLOC-Р.3(SG)
 место, где идут сильные дожди

Согласование с субъектом ситуации, выраженной локативным именем, осуществляется посредством посессивных показателей. Заметим, однако, что при этом распределение посессивных показателей напрямую отражает правила, действующие для производных имен (для форм на *-(o)n-n'ig-a-* это не так, см. ниже). Так, в случае, если субъект локативного имени маркирован генитивом, посессивный суффикс на локативном имени обязателен:

- (22) *Mi č'ăž-len š'i-š'k-on'-n'ig-a-z* / **č'ăž-len š'i-š'k-on'-n'ig-e*
 мы утка-GEN1 есть-DETR-VN-NLOC-Р.LOC/ILL-Р.3 утка-GEN1 есть-DETR-VN-NLOC-ILL
puk-t-i-m tuš'.
 ставить-CAUS-PRT-1PL корыто

Мы в место, где едят утки, поставили корыто.

В случае номинативного оформления субъекта посессивное маркирование локативного имени, напротив, невозможно:

- (23) *Mi č'ăž š'iš'k-on'-n'ig-e* / **č'ăž š'iš'k-on'-n'ig-a-z*
 мы утка есть-DETR-VN-NLOC-ILL утка есть-DETR-VN-NLOC-Р.LOC/ILL-Р.3
puk-t-i-m tuš'.
 ставить-CAUS-PRT-1PL корыто

Мы в место, где едят утки, поставили корыто.

Те же правила действуют в бесермянском для именных групп.

Несмотря на практически полное отсутствие у локативного имени глагольных свойств, возглавляемая им клауза обладает свойствами независимого предложения в плане выражения субъекта и объекта.

Субъект в зависимой клаузе может оформляться номинативом, как *č'ăž* 'утка' при *š'iš'k-on'-n'ig* 'место, где едят' в примере (23) выше. В бесермянских именных группах номинативное маркирование возможно для именного, но не для местоименного зависимого. Ср. примеры (24) – (25):

- (24) *Gid' dor-ân sâl-e parš' tuš'.*
 хлев около-LOC стоять-PRS.3SG свинья корыто
 Около хлева стоит корыто для свиней.
- (25) **mon korka, *ton kâšet*
 я дом ты платок
 *мой дом, *твой платок

Однако в конструкциях с локативным именем возможны не только существительные (как в (23)), но и местоимения в номинативе:

- (26) [*Mon zək ĉ'ipej-m-e ĉ'oroga-n'-n'ig-a-m*] *tunne*
 я большой щука-P.1-ACC ловить.рыбу-VN-NLOC-P.LOC.ILL-P.1 сегодня
ĉ'orâg evâl.
 рыба NEG.COP
 В месте, где я поймал большую щуку, теперь рыбы нет.

Это говорит о том, что при локативном имени сохраняется субъектная позиция, в которой приписывается номинатив.

Прямое дополнение при локативном имени, как и в простом предложении, может выступать с показателем аккузатива (см. пример (26)) или без показателя:

- (27) *âž vand-on'-n'ig / *âž-len vand-on'-n'ig-ez*
 овца резать-VN-NLOC овца-GEN1 резать-VN-NLOC-P.3
 место, где режут овец

Подчеркнем, что прямое дополнение без показателя в случае локативного имени нельзя анализировать как зависимое в именной группе. Дело в том, что именную группу с зависимым в номинативе всегда можно заменить на конструкцию с генитивным зависимым и посессивным показателем на вершине. То есть группу типа «зависимое-NOM вершина» всегда можно заменить на группу типа «зависимое-GEN вершина-POSS» (уточним, что при этом меняется семантика и/или референциальный статус зависимого), а при локативном имени это недопустимо, как видно из примера (27).

Далее, обнаружены примеры с аккузативом прямого дополнения (выше пример (26)), что недопустимо при производных именах.

Отметим, однако, что примеры с номинативом субъекта и аккузативом прямого дополнения при локативном имени маргинальны. Обычно субъект оформляется генитивом, а прямое дополнение не оформляется, как в (27).

Кроме того, при локативном имени возможны временные наречия:

- (28) [*So-len kal' ul-on'-n'ig-ez*] *d'eš' n'i.*
 тот-GEN1 сейчас быть-VN-NLOC-P.3 хороший уже
 Он хорошо устроился (букв. там, где он сейчас живёт, – хорошо).

Итак, локативное имя в полной мере демонстрирует именные морфологические свойства. Что касается синтаксических свойств, конструкция с данным именем отчасти демонстрирует свойства простого независимого предложения (в плане выражения объекта и временных модификаторов; маргинально – в плане выражения субъекта).

3.2. Форма на *-(o)n-n'iga-* в обстоятельном предложении

Морфосинтаксические свойства форм на *-(o)n-n'iga-* в обстоятельном предложении свидетельствуют об утрате ими именных признаков, в отличие от локативного имени. Чтобы это продемонстрировать, рассмотрим, насколько для этих форм характерны именные грамматические категории.

Падеж. Рассматриваемая форма представляет собой грамматикализацию формы либо локатива/иллатива, либо номинатива (в зависимости от того, как трактовать элемент *-a-* в ее составе; см. раздел 2). Аналогичные конструкции с другими падежами не зафиксированы.

Посессив. Форма на *-(o)n-n'iga-* включает посессивные показатели, которые переосмысляются как согласование с субъектом обстоятельного предложения. При

этом, в отличие от локативного имени, посессив обязателен вне зависимости от оформления субъекта – в то время как при локативных и при производных именах посессив обязателен в случае генитивного маркирования зависимого в именной группе и невозможен при номинативном маркировании (см. п. 3.1).

Число. Формы на *-(o)n-n'iga-* не присоединяют показатель именного⁸ множественного числа *-(j)os*:

(29) *Ti kâd'âk-e mân-on'-n'ig-a-d-â / * mân-on'-nig-jos-a-d-â*
 вы далеко-ILL идти-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.2-PL идти-VN-NLOC-PL-P.LOC/ILL-P.2-PL
mon jalan č'akla-š'k-iš'ko.
 я всегда думать-DETR-PRS.1SG

Обычно, когда вы едете далеко, я очень беспокоюсь.

Сочетаемость с прилагательными. Рассматриваемая конструкция не может включать прилагательные. Ср. пример (30), приемлемый с наречием *tokma* 'зря' и неприемлемый с прилагательным *kuletem* 'ненужный, напрасный':

(30) *So {^{??}kule-tem / ^{ok}tokma} č'erekja-n'-n'iga-z mon keš'-s-e*
 тот нужно-NEG.ATTR зря кричать-VN-CNV.SIMULT-P.3 я коза-П.3-ACC
bakč'aj-âš' ul'l'a-j.
 огород-EL гнать-PRT(1SG)

Пока он без пользы орал, я выгнала козу из огорода.

С точки зрения синтаксических свойств, конструкция с формой на *-(o)n-n'iga-* демонстрирует свойства простого независимого предложения. Так, ее субъект, как правило, оформляется номинативом – причем как именной (31), так и местоименный (29). Примеры с генитивом маргинальны и разрешаются не всеми носителями.

(31) *[Keš'-em pel'o ž'ič'â kureg-m-e-s luška-n'-n'iga-z]*
 рвать-NMZ ухо лиса курица-П.1-ACC-П.PL воровать-VN-CNV.SIMULT-P.3
so pâd-z-e šukk-ât-i-z.
 тот нога-П.3-ACC бить-CAUS-PRT-3(SG)

Когда лиса с порванным ухом таскала наших куриц, она поранила лапу.

В данной конструкции невозможно отрицание. Подчеркнем, однако, что отрицание нельзя выразить ни при одном деепричастии в бесермянском диалекте в силу того, что функция обозначения действия, которое не имело места во время ситуации в главной клаузе, закреплена за специализированным отрицательным деепричастием на *-tek*.

Необходимо отметить, что форма на *-(o)n-n'iga-*, несмотря на приобретение ряда глагольных свойств, не до конца грамматикализовалась в функции вершины обстоятельственного предложения. В частности, образование ее от сложных глаголов затруднительно⁹:

(32) **vož-e pot-on'-n'iga-m, *vož vaj-on'-n'iga-z*
 зеленый-П.1SG выходить-VN-CNV.SIMULT-P.1 зеленый дать-VN-CNV.SIMULT-P.3
(пока я злюсь, пока он сердится)

⁸ В бесермянском диалекте функционирует еще один показатель множественного числа – суффикс *-eš'*. Однако он присоединяется только к прилагательным в предикативной позиции (обязательно) либо в атрибутивной (при определенном сочетании дискурсивных факторов).

⁹ Это и следующее свойство могло бы объясняться ограничениями на семантический класс глагола, т.к. все приведенные глаголы относятся к классу состояний. Мы признательны А. А. Козлову, обратившему наше внимание на этот факт. Заметим, однако, что более грамматикализованное удмуртское литературное деепричастие на *-ку*, аналогичное по функции форме на *-(o)n-n'iga-*, образуется от сложных глаголов, близких по семантике к глаголам в примере (32), ср. *мыл-ыз поты-ку* (состояние-П.3 выходить-CNV.SIMULT) 'когда хочется' (Корпус удмуртского литературного языка) и т.д. С нашей точки зрения, эта параллель свидетельствует о недостаточной грамматикализованности рассматриваемой бесермянской формы.

Далее, форма на *-(o)n-n'iga-* не образуется от глаголов, для которых нехарактерно обстоятельство места¹⁰:

- (33) č'aklanê 'думать' – *č'aklan'n'iga- šokanê 'дышать' – *šokan'n'iga-
 kâškanê 'бояться' – *kâškan'n'iga- luônê 'быть, стать' – *luon'n'iga-
 oskânê 'верить' – *oskon'n'iga- jaranê 'годиться' – *jaran'n'iga-
 bâgatânê 'мочь' – *bâgaton'n'iga-

Таким образом, рассматриваемая форма теряет морфологические именные свойства; при этом она возглавляет зависимую клаузу, где субъект, прямое дополнение и модификаторы образа действия маркируются так же, как в простом независимом предложении. Отметим, что аналогичные синтаксические свойства имеют «старые» деепричастия на *-(i)dč'ož'* и на *-sa* (за исключением согласования с субъектом посредством посессивных показателей). Ниже мы сопоставим морфосинтаксические свойства рассматриваемой формы и локативного имени со свойствами производного имени, с одной стороны, и со свойствами конвербов, с другой стороны.

3.3. Обобщение результатов

Морфосинтаксические свойства формы на *-(o)n-n'iga-* в сопоставлении со свойствами локативного имени, производных имен с суффиксом локализации DOMUS и простого конверба на *-sa* кратко обобщены в таблице 3.

Морфосинтаксические свойства отглагольных форм	<i>-(o)n-n'iga-m/d/z</i>	локативное имя на <i>-(o)n-n'ig</i>	имя+n'e (лок-ция domus)	простой конверб на <i>-sa</i>
<i>Морфологические свойства</i>				
<i>Именные категории</i>				
падеж	n/a	+	+	–
посессивные показатели	+	+	+	–
именное число	–	+	+	–
<i>Глагольные категории</i>				
время, наклонение	–	–		–
вид	–	–		–
согласование с субъектом	POSS	GEN → POSS NOM → *POSS		–
<i>Синтаксические свойства</i>				
оформление субъекта	(GEN) NOM	GEN / NOM		NOM
оформление прямого дополнения	ACC, 0	0 (ACC)		ACC, 0
оформление модификаторов образа действия	adv ??adj	adj *adv		adv
оформление отрицания	n/a	–		n/a

Табл. 3. Морфосинтаксические свойства формы на *-(o)n-n'iga-* в сопоставлении со свойствами ряда связанных с ней форм

Как видно из таблицы 3, форма на *-(o)n-n'iga-* по своим морфосинтаксическим свойствам ближе к конвербам, чем к производным именам. Единственное именное свойство – присоединение посессивных показателей – переинтерпретируется в клаузах с рассматриваемой формой как согласование с субъектом (так же, как и в случае с лимитативным конвербом на *-(i)dč'ož'*). При этом в отличие от производных имен и

¹⁰ См. предыдущую сноску. В данном случае также следует заметить, что для большинства удмуртских аналогов глаголов из примера (33) в корпусе удмуртского литературного языка есть примеры с деепричастиями на *-ku*.

локативного имени на *-n'ig*, форма на *-(o)n-n'iga-* всегда оформляется посессивным показателем, вне зависимости от падежа субъекта. Следует, однако, признать, что данная форма не вполне грамматикализовалась в функции конверба, т.к. она образуется не от всех глаголов. Перейдем к рассмотрению семантики данной формы.

4. Функции новых деепричастий на *-(o)n-n'iga-*

Форма на *-(o)n-n'iga-* выступает в позиции вершины обстоятельственного предложения с временным значением (см. примеры в п. 3). Зависимая ситуация чаще всего имеет дуративную или хабитуальную интерпретацию, как видно из примеров (34)–(35):

(34) [*Kart-ez č'ašja kora-n'-n'ig-a-z*] *pəš'a-z*.
 муж-Р.3 деревья рубить-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.3 потеть-3(SG.PRT)
 Муж вспотел, пока рубил деревья.

(35) [*Ataj-e uža-tek puk-on'-n'ig-a-z*]
 отец-Р.3 работать-CAR сидеть-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.3
so sil'=no bakč'a š'ij-on vuza-l'l'a-z bazar-ən.
 тот мясо=ADD огород есть-VN продавать-ITER-3(SG.PRT) базар-LOC
 Пока отец жил без работы, он мясо и овощи продавал на базаре.

Интерпретация, при которой ситуация в зависимой предикации предшествует ситуации в главной или следует за ней, недопустима. Как продемонстрировано в примерах ниже, в этих случаях употребляются другие конструкции. Так, для выражения следования используется группа, образуемая реляционным именем *až' pal* 'передняя сторона' (36б), а для выражения предшествования – группа с реляционным именем *ber* 'зад' в форме иллатива (37):

(36) а. **[Ted'ə əž vand-on'-n'i-a-m-ə]*
 белый овца резать-VN-CONV.SIMULT-P.1-PL
so viš'-em val n'i.
 тот болеть-NMZ быть.PRT уже

(Когда (т.е. перед тем как) мы резали белую овечку, она уже болела.)

б. *[Ted'ə əž vand-em-leš' až' pal viš'-e vəl-em n'i*.
 белый овца резать-NMZ-GEN2 перед сторона болеть-PRS.3SG быть-PST.EVID уже

Когда (т.е. перед тем как) мы резали белую овечку, она уже болела.

(37) [*Ti košk-em ber-a-d-ə / *košk-on'-n'iga-d-ə*]
 вы уезжать-NMZ зад-ILL-P.2-PL/ *уезжать-VN-CONV.SIMULT-P.2-PL
mon tatč'-ə eməž'ə puk-t-i.
 я здесь-ILL малина сидеть-CAUS-PRT(1SG)

Когда (после того, как) вы уехали, я посадила здесь малину.

В рамках таксисного значения одновременности форма на *-(o)n-n'iga-* реализует подзначения «полной одновременности» и «неполной одновременности 1» (в терминах [11]). А именно, она может обозначать либо длительное или хабитуальное действие, временные границы которого совпадают с ситуацией главной предикации (35), либо «точечное» действие, которое имеет место в некоторый момент времени внутри временных границ главной предикации (8). Эта ситуация представлена на схеме 1 (обозначения: ЗП – зависимая предикация, ГП – главная предикация):

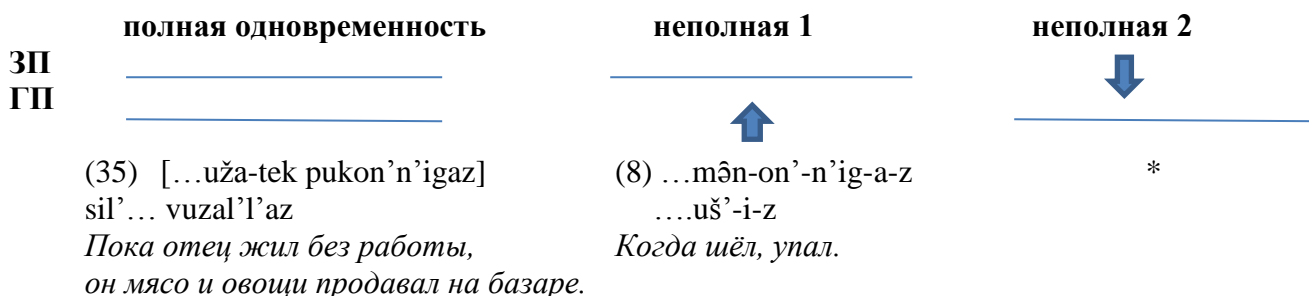

Схема 1. Таксисные значения формы на *-(o)n-n'iga-* в терминах В. С. Храковского

«Точечная» интерпретация зависимой предикации (неполная одновременность 2 по В. С. Храковскому) в случае формы на *-(o)n-n'iga-* недопустима, ср.:

- (38) **Ted'â âž vand-on'-n'iga-m-â baks-i-z.*
 белый овца резать-VN-CNV.SIMULT-P.1-PL блять-PRT-3(SG)
 (Когда мы зарезали белую овечку, она (за)бляла.)

Временной план главной предикации при этом может быть любым. Предикат может стоять в форме прошедшего (39), настоящего (40) или будущего (41) времени:

- (39) *Mi uzij-an'-n'iga-m-â mad'-i-m-â.*
 мы собирать.землянику-VN-CONV.SIMULT-P.1-PL петь-PRT-1-PL
 Пока мы собирали землянику, мы пели песни.

- (40) *Uzâ okt-on'-n'iga-m-â*
 земляника собирать-VN-CONV.SIMULT-P.1-PL
mi jalan mad'-iš'ko-m.
 мы всегда петь-PRS-1PL
 Когда мы собираем землянику, мы обычно поем песни.

- (41) *Mi uzâ okt-on'-n'iga-m-â*
 мы земляника собирать-VN-CONV.SIMULT-P.1-PL
naverno gibi=no šed't-o-m.
 наверное гриб=ADD найти-FUT-1PL
 Пока мы будем собирать землянику, мы, наверное, еще грибы найдем.

Для формы на *-(o)n-n'iga-* обязательно совпадение места ситуации в главной и зависимой предикации. Так, в примере (42) возможно употребление только формы на *-idč'ož'-a-*, но не формы на *-(o)n-n'iga-*, поскольку, по словам носителей бесермянского диалекта, при употреблении последней получается, что учительница рожала прямо на месте работы:

- (42) [*Vorč'a-jân=no Šamardan-ân uč'it'el'-ân uža-dč'ož'-am*
 Ворца-LOC=ADD Шамардан-LOC учитель-LOC работать-CNV.LIM-P.1
 **uža-n'-n'iga-m]* *mon kwin'pin'al vaj-i.*
 работать-VN-CONV.SIMULT-P.1-PL я три ребенок рожать-PRT(1SG)
 Пока я работала учительницей в Ворце и в Шамардане, у меня родилось трое детей.

Необходимо отметить, что в целом временная референция локативного имени отличается от временной референции формы на *-(o)n-n'iga-*. Так, локативное имя, как правило, требует хабикулярной интерпретации зависимой предикации. В примере (43) невозможно употребление локативного имени потому, что его нельзя проинтерпретировать как место обычного действия (т.е. коровы всегда испражняются в разных местах):

- (43) **Miš'k-â pâd kuk-t-e, ton l'oga-d skal*
 мыть-SG обувь-P.2-ACC ты наступать.PRT-2 корова
sit'-an'-n'ig-a-z.
 испражняться-VN-NLOC-P.LOC/ILL-P.3

(Помой обувь, ты наступил туда, где корова положила лепешку (один раз).)

Кроме того, локативное имя, в отличие от формы на *-(o)n-n'iga-*, не требует одновременной интерпретации зависимой и главной предикации, как следует из примера (44):

- (44) *Mon sapeg-m-e d'iš'a-j, mon [wal'l'o skal*
 я сапог-P.1-ACC надевать-PRT(1SG) я раньше корова
vož'-on'-n'ig-e] *mân-o.*
 держать-VN-NLOC-ILL идти-FUT(1SG)

Я надел сапоги, я пойду туда, где раньше держали коров.

Итак, новое деепричастие на *-(o)n-n'iga-* вводит одновременную длительную ситуацию в зависимой клаузе обстоятельственного предложения, требуя при этом совпадения места совершения ситуации. Требование единства места говорит о том, что данная форма еще не вполне грамматикализовалась в функции деепричастия.

Морфосинтаксические свойства данной формы также говорят о недостаточной степени ее грамматикализованности, т.к. она продолжает сохранять связь с локативным именем. Этим объясняется невозможность образования данной формы от глаголов состояния и сложных глаголов.

Последний вопрос, который мы рассмотрим в настоящей работе, состоит в следующем: что обуславливает возникновение в бесермянском диалекте новой деепричастной формы? Для ответа на него обратимся к данным литературного языка. В литературном удмуртском выделяют пять деепричастий: деепричастия с показателями *-са* (простой, или контекстный конверб в терминах [20]), *-тэк* (отрицательное деепричастие), *-ку* (деепричастие одновременности и длительности согласно [17]), *-тозь* (лимитативный конверб, имеющий в бесермянском вид *-(i)dč'ož'*) и *-мон* (причастно-деепричастная форма со значением возможности или необходимости) [8]. Таким образом, в удмуртской системе есть немаркированная форма (простой конверб, который может выражать как одновременность, так и предшествование) и четыре специализированных конверба с различными временными или модальными ограничениями. Один из этих конвербов – деепричастие на *-ку* – имеет интерпретацию одновременности и длительности ситуации в зависимой клаузе. Так, форма *тӧлзыку* 'когда сохнут' в примере (45) обозначает ситуацию, временные рамки которой совпадают с временными рамками ситуации в главной клаузе (то есть с пением соловья):

(45) *Писпу выл-ын кырза учы, азвесь лысву тӧлзы-ку.*
 дерево верх-LOC петть.PRS.3(SG) соловей серебро роса сохнуть-CNV.SIMULT
 На дереве соловей поёт, когда сохнет серебристая роса. [8: 283 (М. Петров. Ошмес син)]

Кроме того, в литературном удмуртском для выражения значения одновременности и длительности используется конструкция с союзом *дыръя*, который вводит финитную зависимую клаузу (см. [7]). Ср. (45) выше и (46):

(46) *Пыдъ-ёс каллен мын-о=на дыр-ья, сик-лэсь, Чупчи возъ-лэсь*
 нога-PL медленно идти-3PL:PRS=ADD время-ADV лес-GEN2 Чепца луг-GEN2
люк-исък-ем уг пот-ы.
 делить-DETR-NMZ NEG.3.PRS выходить-SG
 Пока ноги потихоньку двигаются, не хочу расставаться с лесом, причепецкими лугами. [2: 63 (В. Ширококов. Мына республикае)]

Далее, в этой функции употребляется обстоятельственный падеж (адвербиалис) номинализации на *-(о)н* (*-(о)нья*):

(47) *Мунчо азь-ын син-ъёс-с-э чушы-лы-са сыл-он-ья-з,*
 баня перед-LOC глаз-PL-P.3-ACC вытирать-ITER-CNV стоять-VN-ADV-P.3
ошмес азьпала-сь кырза-м куара кыл-й-з.
 родник передняя.сторона-EL петть-NMZ звук слышать-PRT-3(SG)
 Когда стоял перед баней, вытирая глаза, он (Герей) услышал со стороны родника пение. [13: 9]

Согласно [13: 8], перечисленные три конструкции покрывают 94,5% обстоятельственных зависимых предложений со значением одновременности. Остальные обслуживаются номинализацией на *-он* с различными послелогом. Кроме того, судя по примерам из корпуса литературного удмуртского языка, в указанных контекстах может функционировать номинализация с показателем *-эм* в форме адвербиалиса:

(48) *Нунал кузь=гес лу-эм-ья йыр-е шуньт-эсь малпа-н-ъёс*
 день длинный=CMPR быть-PST.EVID-ADV голова-ILL тёплый-PL думать-VN-PL
лыкт-о, сюлэм туйыс-эз возьма.
 приходиться-3PL:PRS сердце весна-P.3 ждать.3(SG)

Когда дни становятся длиннее, в голову приходят тёплые мысли, сердце ждет весны [4 (Удмурт дунне, 08.08.2012)]

Таким образом, в удмуртском литературном языке достаточно много единиц, выполняющих функции деепричастий одновременности и длительности. Из всего этого

разнообразия в бесермянском функционирует только аналог удмуртской формы адвербиалиса отглагольного имени на *-(o)n'ja* – форма на *-(o)n'-n'a-* (с посессивными показателями, в отличие от литературного удмуртского)¹¹. Пример ее употребления приведен в (49):

(49) [*Ĵ'oroga-nâ mân-on'-n'a-z*], *nomâr-ez gopet-en gopa-z*.
рыбачить-INF идти-VN-ADV-P.3 червь-P.3 вилы- INSTR копать-3(SG.PRT)

Когда он ходил на рыбалку, накопил вилами червей.

Аналогов остальных удмуртских литературных форм, выражающих значения одновременности и длительности, в бесермянском диалекте нет. В нем не используется деепричастие на *-ку* и адвербиальные формы номинализации на *-эм*. Что касается *дыр'ья* 'во время', в бесермянском данная единица ведет себя не как союз, а как послелог, т.е. присоединяется только к непроизводным именам (50) или номинализациям (51):

(50) *vojna dâr-ja / legit' dâr-ja*
война время-ADV молодой время-ADV

во время войны / в молодости

(51) *Š'i-š'k-on dâr-ja no-kâtč'â=no mân-ono e-j val*.
есть-DETR-VN время-ADV NEG-где.ILL=ADD идти-DEB NEG-1SGбыть.PRT

Во время еды нельзя было никуда выходить. [Г]

Итак, из трех наиболее частотных средств выражения значения одновременной длительной ситуации литературного удмуртского – деепричастие на *-ку*, союз *дыр'ья* и номинализация на *-он* в обстоятельственном падеже – первое отсутствует в бесермянском, а у второго употребление уже, чем в литературном удмуртском.

В целом, бесермянская система специализированных конвербов ограничивается отрицательным и лимитативным конвербом. Лимитативный конверб, кроме достижения предела (работал, пока не заснул), также может иметь значение одновременной длительной ситуации. То же значение имеет форма на *-(o)n'-n'a-*. Однако специализированный конверб, выражающий одновременную длительную ситуацию, отсутствует. Для заполнения данной лакуны происходит грамматикализация формы на *-(o)n'-n'iga-*. Интересно, что форма на *-(o)n'-n'iga-* идет по пути совмещения двух онтологических категорий – места и времени. Этот семантический переход широко засвидетельствован для показателей обстоятельственных клауз в языках мира (ср. [16: 131]; [19: 59]; ср. тж. [18: 342-345] относительно чадских языков, [21] относительно гуарани).

Литература:

1. Алатырев В. И. Краткий очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь, М.: Русский язык, 1983, с. 561–591.
2. Вахрушев В. М., Захаров В. Н., Калинина Л. И. (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения. Ижевск: Удмуртия, 1974.
3. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1998.
4. Корпус литературного удмуртского языка. <http://web-corpora.net/UdmurtCorpus>
5. Люкина Н. М. Особенности языка балезинских и юкаменских бесермян. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. М., 2008, рукопись.

¹¹ В бесермянском корпусе есть ровно один пример номинализации на *-(o)n* в форме обстоятельственного падежа в виде *-(o)n-ja*, правда, не в функции деепричастия, а в атрибутивной функции. При фронтальном опросе носители бесермянского диалекта не признают грамматичность форм на *-(o)n-ja*, однако это может быть связано с тем, что в бесермянском обязательна ассимиляция *j* на морфемном шве. Такая обязательная ассимиляция имеет место, например, в мультипликативных дериватах. С учетом этой оговорки представляется наиболее естественной трактовка формы на *-(o)n'-n'a-* как адвербиальной формы отглагольного имени, имеющей коррелят в литературном удмуртском языке. Вопрос о соотношении форм на *-(o)n'-n'iga-* и на *-(o)n'-n'a-* требует отдельного рассмотрения и в данной работе не затрагивается.

6. Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Выпуск I. Научное издание. Ижевск, 2009.
7. Перевошиков П. Н. О некоторых синтаксических конструкциях в удмуртском языке // Вопросы языкознания 1952, № 6. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
8. Перевошиков П. И. (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Ижевское книжное изд-во, 1962.
9. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Издательство АН СССР, 1963.
10. Усачёва М. Н. Локативные падежи в группах с пространственным значением в пермских языках. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. М., 2011, рукопись.
11. Храковский В. С. (ред.). Типология таксисных конструкций. СПб: Наука, 2009.
12. Шмелёв А. Д. Типы «невыраженных валентностей» // Семиотика и информатика. Сборник научных статей. Вып. 36. М.: Языки русской культуры, 1998, с. 167-176.
13. Шутов А. Ф. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, МарГУ, 2002.
14. Шутов А. Ф. Распространенные члены как семантические аналоги придаточных предложений в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. История и филология, вып. 2, 2012, с. 32-37.
15. Arkhangel'skiy T., Usacheva M. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria. SKY Journal of Linguistics, vol. 28. Helsinki. In print.
16. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar. Chicago and London: University of Chicago Press, 1994.
17. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó.
18. Frajzyngier Z. 1996. Grammaticalization of the complex sentence. A case study in Chadic. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2005.
19. Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization. 2^d rev. ed. Erfurt: Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität, 2002, manuscript.
20. Nedjalkov V. Some Typological Parameters of Converbs. In: Haspelmath M., König E. (eds.) Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995, pp. 97–136.
21. Nordhof S. Nomen / Verb Distinktion im Guarani. Universität zu Köln, Arbeitspapier № 48, 2004, manuscript.
22. Tánczos O. Szórendi variációk és lehetséges okaik az udmurtban. Nyelvtudományi Közlemények, 107, 2012, pp. 218-228.

Аннотация. М. Н. Усачёва, Н. В. Сердобольская. Грамматикализация новых деепричастных форм на *-оннига-* в бесермянском удмуртском.

В статье рассматривается грамматикализация новой деепричастной формы из имени места в бесермянском диалекте удмуртского языка. Обсуждаются гипотезы о происхождении имен места. Проводится сравнение морфосинтаксических и семантических свойств имени места и новой деепричастной формы с целью определения степени грамматикализации рассматриваемой формы. Имя места с морфологической и синтаксической точки зрения ведет себя как непроизводное имя, демонстрируя, однако, некоторые свойства независимого предложения в плане выражения субъекта и объекта. Деепричастные же формы утрачивают морфологические именные свойства, а в синтаксическом плане демонстрируют значительный набор свойств простого независимого предложения. Семантически новые деепричастий вводят ситуации, находящиеся в отношении «полная одновременность» и «неполная одновременность 1» к главной клаузе (в терминах В. С. Храковского), при этом временной план главной предикации может быть любым; в то время как локативное имя вводит хабитуальную ситуацию, необязательно происходящую одновременно с ситуацией в главной клаузе.

Ключевые слова: деепричастие, имя места, грамматикализация, морфосинтаксические свойства, удмуртский язык.

Annotation. M. N. Usacheva, N. V. Serdobolskaya. Grammaticalization of new converbs in *-onn'iga-* in Beserman Udmurt.

The authors focus on grammaticalization of new converbs in Beserman Udmurt with nomina loci as the source. Several hypotheses of the history of nomina loci are discussed. The authors compare morphological and syntactic properties of nomina loci with those of new converbs. Nomina loci demonstrate noun-like behavior from the point of view of morphology and syntax, but they have some properties of simple clauses. By contrast, new converbs lose morphological noun-like properties and syntactically behave like simple clauses. Semantically, new converbs designate “full simultaneity” and “incomplete simultaneity 1” (in terms of V. S. Khrakovsky) to the situation in the main clause which can refer to any tense, while nomina loci denote a habitual situation that does not yield to the condition of simultaneity with the situation in the main clause.

Keywords: converbs, nomina loci, grammaticalization, morphosyntactic properties, Udmurt